

Научная статья
УДК 159.9.07
DOI: 10.20323/1813-145X-2022-4-127-130-137
EDN: RNJWSS

Специфика представлений о близости и близких отношениях у мужчин и женщин

Елена Викторовна Тихомирова^{1✉}, Анна Геннадьевна Самохвалова²

¹Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет». 156000, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17

²Доктор психологических наук, директор Института педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет». 156000, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17

¹tichomirowa82@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>

²a_samohvalova@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>

Аннотация. В статье представлены результаты теоретико-эмпирического исследования структуры социальных представлений о близости и близких отношениях. Исследование выполнено в рамках идиографического, лексико-семантического подхода. Рабочей гипотезой исследования стало предположение, что в когнитивной карте российской общественности близость воспринимается как качество близких отношений, но ресурсность близости оценивается с позиции личной (индивидуальной) выгоды, а не с позиции выгоды для группового субъекта отношений — пары. Также было выдвинуто частное предположение, что мужской взгляд на близость отличается диффузностью представлений и отнесенностью их, в большей степени, к физиологическому контексту.

В исследовании приняли участие 46 женщин в возрасте от 19 до 55 лет ($M = 34,5$), 14 мужчин в возрасте от 20 до 57 лет ($M = 33,9$). Авторы приходят к выводу, что в восприятии близости существуют как общие тенденции, так и специфичные, связанные с полом. Преобладающими категориями представлений о сущности близости являются «доверие», «взаимопонимание», «самопроявление в отношениях». Мужской взгляд отличается большей узостью представлений и привязкой к сексуальному контексту, а женский — отнесенностью к «духовной связи». Мужчины реже обращаются к лексемам, отражающим «совместность» и «взаимопроцессы», их понимание близости в большей степени раскрывается через призму Эго-состояний и Эго-направленности. Более дифференцированы феномены близости и близких отношений в ментальной карте женщин. Барьеры и ресурсы достижения близости воспринимаются мужчинами и женщинами более однородно.

Ключевые слова: близость; близкие отношения; представления; ресурс; индикаторы достижения; барьеры

Исследование выполнено в рамках Государственного задания при финансовой поддержке Минобрнауки России FZEW-2020-0005 «Близкие отношения и семья в жизненном пространстве вызовов современности: совладание, ресурсы, развитие»

Для цитирования: Тихомирова Е. В., Самохвалова А. Г. Специфика представлений о близости и близких отношениях у мужчин и женщин // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 4 (127). С. 130-137. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-4-127-130-137>. <https://elibrary.ru/rnjwss>

Original article

The specificity of men and women ideas about intimacy and close relationships

Elena V. Tikhomirova^{1✉}, Anna G. Samokhvalova²

¹Candidate of psychological sciences, associate professor of department of general and social psychology, FSBEI HE «Kostroma state university». 156000, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17

²Doctor of psychological sciences, director of institute of pedagogy and psychology, FSBEI HE «Kostroma state university». 156000, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17

¹tichomirowa82@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>

²a_samohvalova@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>

Abstract. The article presents the results of the theoretical and empirical study on the structure of social ideas about intimacy and close relationships. The study was carried out in the idiographic, lexical-semantic approach. The working hypothesis of the study was the assumption that in the cognitive map of the Russian public, intimacy is perceived as a

quality of close relationships, but the resourcefulness of intimacy is assessed from the position of personal (individual) benefit, and not from the position of benefit for the group subject of relations — the couple. A private assumption was also put forward that the male view of intimacy is distinguished by the diffuseness of ideas and their relation, to a greater extent, to the physiological context.

The study involved 46 women aged 19 to 55 years ($M=34,5$), 14 men aged 20 to 57 years ($M=33,9$). The authors come to the conclusion that there are both general tendencies in the perception of proximity, as well as specific ones related to gender. The prevailing categories of ideas about the essence of intimacy are «trust», «mutual understanding», «self-manifestation in relationships». The male gaze is characterized by a narrower view and attachment to the sexual context, while in women it is related to a «spiritual connection». Men are less likely to turn to lexemes that reflect «togetherness» and «mutual processes», their understanding of closeness is more revealed through the prism of ego-states and ego-orientation. The phenomena of proximity and close relationships are more differentiated in the mental map of women. Barriers and resources to achieve intimacy are perceived by men and women more uniformly.

Keywords: closeness; close relationships; perceptions; resource; indicators of achievement; barriers

The study was carried out as part of the State Assignment with the financial support of the Russian Ministry of Education and Science FZEW-2020-0005 «Close Relationships and the Family in the Living Space of Modern Challenges: Coping, Resources, Development»

For citation: Tikhomirova E. V., Samokhvalova A. G. The specificity of men and women ideas about intimacy and close relationships. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2022;(4): 130-137. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-4-127-130-137>. <https://elibrary.ru/rnjwss>

Введение

В настоящее время в период острой социальной напряженности и социального отчуждения на большой арене геополитических отношений как никогда ранее актуализируется проблематика близости и близких отношений. Потребность человека быть связанным с кем-то признается учеными как одна из базовых [Erickson, 1950; Sullivan, 1953; Maslow, 1954], определяющих благополучный вариант развития личности и поддержания психического/физического здоровья, что становится первостепенно важно в эпоху интенсификации ненормативных социальных стрессов. Также отметим, что в настоящий период трендом является обращенность человека на самого себя, в обществе все больше популяризуется направленность личности на самоопределение, самоидентификацию, самопроявленность, самополезность и самопознаваемость. В фокусе внимания современников находится смысл собственного существования, его представителей отличает гносеологическая жажда, нарастает ценность сложности индивидуального сознания. При всех преимуществах и диалектической ценности данной жизненной позиции возникает серьезный риск разрыва связи «Я» со значимыми другими; замены близких отношений на «разовые», «функциональные», «текущие»; трансформации и сужения смысла и значения близости с другими. Это, в свою очередь, несет в себе возможность снижения жизнестойкости как индивидуального, так и группового субъекта.

Значение близости и близких отношений неоднократно подчеркивалось в психологической науке. Сторонники теории привязанности отмечают весомую роль близких отношений в развитии самости человека и компонентов личности внутри нее [Шарфф, 2009]. Феномен близости активно рассматривается и как ресурс долголетия. Установлено, что самыми счастливыми и здоровыми среди пожилых люди являются те, кто включен в одну или несколько систем близких отношений. Они находят энергию, мотивацию для самостоятельной и приносящей удовлетворение жизни благодаря наличию поддерживающих близких диадных отношений. При этом было отмечено, что существуют другие жизнеспособные формы близости, которые заменяют или дополняют стабильные гетеросексуальные отношения. К таким отношениям отнесли, например, дружбу [Lowenthal, 1968]. Современные исследования также подтверждают значение включенности в близкие отношения с точки зрения долголетия. Так, выявлено, что люди, находящиеся в счастливым брачном союзе, живут дольше разведенных или овдовевших благодаря постоянной социальной поддержке со стороны супруга/супруги [Kiecolt-Glaser, 2001; Robles, 2014; Smith, 2019; Shrout, 2021].

Несмотря на признаваемое учеными значение близости, сам феномен на уровне теоретико-эмпирического осмысления до сих пор не имеет однозначной трактовки и дифференциации с родственным, но не тождественным понятием близких отношений. Близость иногда используется в качестве характеристики идеального типа диад-

ных отношений, можно встретить и использование данного термина для обозначения близких/интимных отношений. Операционализация понятия близости затрудняется многозначностью феномена, сложностью его эмпирической верификации.

Так, близость связывается с диадическими паттернами соответствия, часто определяется с позиции сексуального участия, степени интимности, дистанции в отношениях. Например, близость рассматривалась через призму равновесия в отношениях, которое является следствием зрительного контакта, физической близости, общих тем обсуждения, количества улыбок и множества иных связанных переменных [Argail, 1965]. Также среди наиболее связанных с близостью понятий отметим феномен самораскрытия. Было выявлено, что уместность и объем раскрытия личной информации другим неоднозначно влияет на удовлетворенность отношениями [Derlega, 1975]. В связи с этим под близостью понимают в том числе глубину обмена между двумя людьми, что подразумевает глубокую форму принятия другого, а также приверженность отношениям [Gilbert, 1976], вследствие чего близость может быть рассмотрена как особый случай самораскрытия. Однако близость и самораскрытие не идентичны друг другу в связи с тем, что самораскрытие может не способствовать близости и быть «вне ее границ».

Также требуют дифференциации понятия «близость» и «интимность». В научной литературе они часто используются как синонимичные вслед за иностранными авторами. Например, Д. Н. Olson понимал интимность как процесс и делил ее на интимные переживания и интимные отношения. Переживание интимности, в его понимании, — это чувство близости с другим человеком в каком-либо виде отношений (сексуальном, романтическом, дружеском и др.) [Olson, 1975]. Близость следует понимать более широко в качественном плане: в отличие от интимности она может не иметь романтического/сексуального компонента. В количественном же плане близость обладает меньшей интенсивностью, по сравнению с интимностью [Казанцева, 2010].

В зарубежной научной литературе существует такое понятие, как «cohesion» (анг. «сплоченность», «связанность»), которое также соотносят с понятием интимности или близости. Д. Н. Olson с соавторами отмечают, что связанность в противовес «separateness» (анг. «отдель-

ность») является центральным аспектом отношений. Сплоченность осуществляется через эмоциональное общение, в котором стороны понимают и чувствуют друг друга. Интимность составляет основу сплоченности [Olson, 1977].

Понятие близости тесно связано и с понятием «привязанности» [Ainsworth, 1973; Bowlby, 1982; Калмыкова, 2007]. Привязанность можно определить как вид отношения к другому человеку, включающий в себя стремление быть с ним рядом и комплекс чувств по отношению к нему [Пастушик, 2009]. В. П. Ильин понимает привязанность как устойчивую потребность в общении с другим человеком [Ильин, 2001]. Таким образом, этот термин характеризует потребность в каком-либо человеке, но сами чувства субъекта к объекту его привязанности могут сильно отличаться. Так, при амбивалентной и избегающей привязанности эмоциональная близость, скорее всего, будет отсутствовать. Однако и надежная привязанность не означает обязательного наличия самораскрытия и других компонентов эмоциональной близости [Пастушик, 2009]. Анализ научного дискурса позволяет сделать вывод о том, что стабильная опекающая фигура в детстве играет важнейшую роль для развития эмоционального благополучия индивида, от чего зависит успешность выстраивания взаимоотношений с другими людьми в период взрослости.

Мы придерживаемся понимания близости как межличностного процесса, в ходе которого происходит передача личной информации и чувств одного человека, а также возникает понимание и сопереживание со стороны другого. То есть близость рассматривается как состояние. В рамках данного подхода выделяются следующие категории близости:

- эмоциональная — чувство близости;
- социальная — общие друзья и социальные сети;
- сексуальная — выражение нежности или сексуальная активность;
- рекреационная — общие интересы и хобби;
- интеллектуальная — общность идей [Schaefer, 1981].

В связи с многозначностью определения близости в теоретико-эмпирическом срезе возникает проблема явного разрыва в понимании близости на уровнях методологического и обыденного сознания. Ориентированность на понимание близости, ресурсов и барьеров ее достижения на уровне обывателя позволит, на наш взгляд, прогнозировать возможные мишени психологиче-

ской интервенции при оказании консультативной адресной помощи и приблизить теорию к практике и ее запросам в контексте современности. В связи с этим главный **проблемный вопрос** данного исследования: какова структура социальных представлений о близости и половая специфика понимания ресурсов и барьеров ее достижения? В контексте исследования была предпринята попытка анализа близких по проблематике исследований. В фокус внимания попала работа М. М. Пастушик, в которой приводились результаты исследования, посвященного дифференциации эмоциональной и психологической близости на уровне обыденных представлений. В то же время мы придерживаемся мнения, что разводить данные феномены на уровне психологии обывателя достаточно сложно, так как эмоциональная близость — один из частных случаев близости в целом.

Методы исследования

Исследование выполнено в гуманитарной парадигме в рамках идиографического подхода. Для изучения специфики восприятия феномена близости «обывателем» был использован лексико-семантический подход. Рабочей *гипотезой* исследования стало предположение, что в когнитивной карте российской общественности близость воспринимается как качество близких отношений, но ресурсность близости оценивается с позиции личной (индивидуальной) выгоды, а не с позиции выгоды для группового субъекта отношений — пары. Также было выдвинуто частное предположение, что мужской взгляд на близость отличается диффузностью представлений и отнесенностью их, в большей степени, к физиологическому контексту.

В *методический инструментарий* вошли метод корпусной лингвистики [Леонтьева, 2006] с последующей обработкой посредством контент-анализа, позволяющий выявить смысловое наполнение и дифференциацию представлений о близости и близких отношениях на уровне обывателя, ресурсов близости и барьеров ее достижения.

В исследовании приняли участие 60 человек: 46 женщин в возрасте от 19 до 55 лет ($M = 34,5$), 14 мужчин в возрасте от 20 до 57 лет ($M = 33,9$).

Основными *смысловыми частями* исследования являлись семантика близости и близких отношений, анализ ресурсов и барьеров достижения близости, специфика восприятия близости как ресурса.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Частотный анализ используемых респондентами ($N = 60$) лексем (количество индикаторов 123) при ответе на вопрос «*Что такое близость в отношениях?*» показал, что в большей степени люди ассоциируют близость с доверием (26 %), взаимопониманием (11,4 %) и возможностью самопроявления в отношениях (7,3 %). Самопроявление респонденты характеризуют следующим образом: «отказ от ролей и проявление себя такой, какая есть», «быть самим собой, знать, что тебя принимают любым/любой», «открытость своим чувствам в отношениях, иметь возможность для их проявления», «проявление собственной естественности», «проявление своей слабости». При этом необходимо отметить, что индикаторы самопроявления характерны, в большинстве случаев, для женской части выборки. Видимо, для женщин быть собой в отношениях, проявлять свое истинное Я достаточно сложно в силу большей рефлексивности; ориентированности на социальные стереотипы «правильности», «идеальности»; страха отвержения со стороны мужчины при проявлении «истинного облика». При этом ценность самопроявления становится для них выше.

Для мужской части выборки на третьей ранговой позиции по частоте встречаемости стоит ответ, что «близость — это интимная, сексуальная связь». У женщин этот ответ также встречается, но занимает лишь 11 ранговую позицию. Также частотный анализ показал, что мужчины под близостью понимают открытость, возможность рассказать о своих проблемах, честность, уважение (в том числе уважение личных границ), поддержку (все на 6 ранговой позиции), чувство комфорта (9 ранг). При этом необходимо отметить, что они реже обращаются к лексемам, отражающим «совместность» и «взаимопроецессы», их понимание близости раскрывается через призму *Эго-состояний* и *Эго-направленности*: доверие к партнеру, возможность рассказать о своих проблемах человеку, который тебе дорог, понимание.

В женской выборке чаще встречаются лексемы с отнесением ко *взаимности*: взаимопонимание, доверие друг другу, некая взаимосвязь, секс между двумя любящими людьми, поддержка друг друга и т. д.

У женщин поддержка (4Р), открытость (5Р), уважение (6Р) также частотно занимают преобладающие позиции, но к ним добавляются такие смысловые категории, как «духовная близость»

(родство душ, духовная связь, 7Р), «чувство связанности», «уверенность», «любовь», «забота», «принятие», «разделение чувств», «секс» (все 11 ранг). Отметим, что женщины воспринимают близость как более сложный, неоднозначный и многосторонний феномен, чем он мужчины.

2. При ответе на вопрос «Чем, на ваш взгляд, отличаются близость и близкие отношения?» женщины дифференцировали данные феномены более тонко, определяя родовое и видовое понятия, указывая конкретные индикаторы различий. Мужчины чаще использовали лексику «нечто» (нечто большее, нечто эмоциональное, нечто духовное), что является признаком неуверенности, размытости представлений. В женском представлении, *близость* — такой уровень внутренней общности, при котором достигается высокая степень самораскрытия без страха осуждения, интимности, при этом близость часто имеет сексуальный контекст, может быть только между романтическими партнерами, достигается с единицами и составляет эмоциональную основу близких отношений. В отличие от близости, *близкие отношения* определяются женщинами как более широкое понятие, могут выстраиваться с разными людьми (родными, друзьями, коллегами, еди-

номышленниками и др.); могут быть как отношениями поддержки и принятия, так и отношениями без чувства взаимосвязанности с другими, существующими только на уровне формального статуса (родственник, супруг).

Мужчины рассматривают *близость* как более широкое понятие, «нечто большее, чем близкие отношения», «включающее в себя близкие отношения». В то же время они видят в близости преобладающую эмоциональную основу и сексуальный контекст. *Близкие отношения* мужчины также определяют преимущественно через категорию духовной близости, что подводит к выводу о большей диффузности их представлений о близости и близких отношениях. В то же время стоит отметить, что именно в мужской когнитивной карте отношения представляются в динамическом аспекте. Мужчины рассматривают близкие отношения не как данность, статичное состояние, а через категории «процесс», «совместные действия», что требует совместной работы и усилий по их достижению, поддержанию.

Специфика дифференциации феноменов близости и близких отношений в зависимости от пола представлена в Таблице 1.

Таблица 1

Особенности дифференциации близости и близких отношений мужчинами и женщинами

Категория «Близость»		Категория «Близкие отношения»	
Женщины (n = 46, M = 34,5, 60 индикаторов)	Мужчины (n = 14, M = 33,9, 16 индикаторов)	Женщины (n = 46, M = 34,5, 45 индикаторов)	Мужчины (n = 14, M = 33,9, 17 индикаторов)
Момент душевного соприкосновения, духовная связь, уровень внутренней общности (23,3 %)	Это нечто большее, чем близкие отношения, включает в себя их (37,5 %)	Могут быть с разными людьми (31,1 %)	Это нечто духовное, что-то внутреннее (личная тяга к любимому человеку, определенный уровень общения) (41,2 %)
Более интимное (18,3 %)	Это нечто эмоциональное (18,8 %)	Отношения поддержки, принятия (15,6 %)	Это процесс, совместные действия (29,4 %)
Это уровень самораскрытия без страха осуждения (16,7 %)	Отношения между мужчиной и женщиной с сексуальным подтекстом (18,8 %)	Без чувства взаимосвязанности, душевности (13,3 %)	Могут быть с разными людьми (17,6 %)
У близости сексуальный подтекст (10 %)	Родственность душ (12,5 %)	Близкие отношения более широкое понятие (11,1 %)	Менее тесная связь (5,9 %)
Это основа близких отношений (10 %)	Максимальное доверие, два человека как единое целое (6,3 %)	Могут быть формализованы (статус) (11,1 %)	Не знаю (5,9 %)
Только между партнерами (8,3 %)	Не знаю (6,3 %)	Это предыдущий уровень перед близостью (8,9 %)	
Может быть только с единицами (6,7 %)		Переживание партнера (4,4 %)	
Это позитивно окрашенное чувство (6,7 %)		Разное (4,4 %)	

3. В качестве *индикаторов достижения близости* женщины рассматривают момент, когда «понимаешь, что можно доверить человеку са-

мое дорогое (тайны, детей)» (1Р), «можешь быть собой» (2Р), «начинаешь понимать его без слов», «появляются точки соприкосновения» (3Р) и «возникает чувство покоя рядом» (4Р). Мужчины

главными индикаторами достижения близости с партнером считают возникновение понимания: когда можешь «довериться партнеру», «поделиться сокровенным», «своими переживаниями» (1Р), когда видишь знаки внимания со стороны партнера (2Р), «осознаешь, что вы понимаете, чувствуете друг друга» (3Р), когда «возникает желание быть рядом» (4Р).

4. Ответ на вопрос «*Что мешает достижению близости?*» позволяет выявить *барьеры достижения близости*. Женщины указали, в первую очередь, обман, ложь (1Р), недоверие (2Р), игнорирование/отчужденность (3Р), закрытость (4Р), разрыв в ценностях и целях (5Р), нежелание близости одним из партнеров (5Р), отсутствие взаимопонимания (6Р), разный характер/темперамент (8Р), прошлые травмы и страхи (9,5Р), насилие (11Р) и прочие (единичные ответы). Спектр барьеров достижения близости, в представлении мужчин, более узкий: эгоизм (1Р), недоверие (2Р), отсутствие чувств (3Р), непонимание со стороны партнера (4Р), разные взгляды (5Р), ложь (6Р).

5. Ответы мужчин и женщин на вопрос «*Что помогает достижению близости?*» были достаточно однородны. В частотное ядро ответов у обеих групп попали искренность, доверие, открытость, взаимность, любовь. Но у женщин на первое место вышли совместные действия, совместная деятельность, обсуждение, общие цели — совместность (1Р); у мужчин — эмпатия как способность партнера сопереживать, разделять, понимать и чувствовать.

Таким образом, женщины считают, что близости способствует разделяемое бытие и его совместное построение; мужчины ориентированы в большей степени на эмоциональную основу близости и нуждаются в партнере, с которым можно открыто поделиться трудностями и получить эмоциональный отклик. Видимо, у женщин канал эмоциональной разрядки более актуализирован вне близких отношений и близости. Мужчины же под давлением социального стереотипа «немужского поведения», связанного с открытым, прямым выражением эмоций, больше нуждаются в близости как пространстве, психологической плоскости выражения эмоций, получения эмоциональной поддержки и разделения чувств. В связи с этим неэмпатичного партнера, его эмоциональную скупость они воспринимают как главный барьер достижения близости.

6. Отвечая на вопрос «*Что вам дает близость?*», женщины и мужчины, в первую оче-

редь, отметили «счастье», «уверенность», «спокойствие», «любовь». У мужчин частотны в ядро вошли категории «эмоциональная поддержка», «комфорт», «возможность чувствовать себя целостным», «семья». Несмотря на то, что *уверенность* вошла в ядро представлений и у мужчин, и у женщин, мужчины рассматривают ее как «уверенность в партнере», а женщины — как «уверенность в завтрашнем дне». У женщин также частотны категории «ощущение стабильности», «ощущение защищенности», «опора». Таким образом, женщины более чувствительны по отношению к ситуации социальной неопределенности, в большей степени чувствуют свою незащищенность и рассматривают близость как важный ресурс жизнестойкости. Мужчины склонны рассматривать близость как ресурс поддержания собственной целостности и душевного равновесия.

Заключение

Существуют как общие тенденции в восприятии близости и близких отношений, так и специфические, связанные с полом. Превалирующими категориями представлений о сущности близости являются «доверие», «взаимопонимание», «самопроявление в отношениях». При этом индикаторы самопроявления характерны, в большинстве случаев, для женской части выборки. Мужской взгляд отличается большей узостью представлений и привязкой к сексуальному контексту, а женский — отнесенностью к «духовной связи». Мужчины реже обращаются к лексемам, отражающим «совместность» и «взаимо процессы», их понимание близости в большей степени раскрывается через призму Эго-состояний и Эго-направленности. Более дифференцированы феномены близости и близких отношений в ментальной карте женщин, для которых близость выступает эмоциональной основой близких отношений, рассматривающихся как более широкий феномен. Мужчины, напротив, рассматривают близость как более широкое понятие, «включающее в себя близкие отношения».

Барьеры и ресурсы достижения близости воспринимаются как мужчинами, так и женщинами весьма однородно. К частотному ядру барьеров достижения близости независимо от пола относятся обман, недоверие, непонимание, разные ценности, взгляды. В частотное ядро ресурсов достижения близости у обеих групп включены искренность, доверие, открытость, взаимность, любовь.

Несмотря на то, что независимо от пола близость рассматривается как ресурс ощущения счастья, мужчины склонны рассматривать ее как ресурс поддержания собственной целостности и душевного равновесия, а женщины — как ресурс уверенности в завтрашнем дне и защищенности.

Библиографический список

1. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 752 с.
2. Казанцева Т. В. Исследование психологической близости в теории привязанности // Вестник СпбГУ. Серия 12. Социология. 2010. № 4. С. 94-98.
3. Калмыкова Е. С. Роль типа привязанности в генезе и динамике аддиктивного поведения / Е. С. Калмыкова, М. А. Гагарина, М. А. Падун // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 107-114.
4. Куликов Л. В. Обзор зарубежных исследований по проблеме эмоциональной близости / Л. В. Куликов, М. М. Пастушик // Вестник СпбГУ. Серия 12. Социология. 2009. № 4. С. 161-167.
5. Леонтьева Н. Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. Москва : Академия, 2006. 304 с.
6. Пастушик М. М. Эмоциональная близость: построение структурной и функциональной моделей // Вестник СпбГУ. Серия 12. Социология. 2009. № 2-1. С. 27-35.
7. Шарфф Д. С. Основы теории объектных отношений / Д. С. Шарфф, Д. Э. Шарфф. Москва : Когито-Центр, 2009. 304 с.
8. Ainsworth M. D. Patterns of infant-mother attachment as related to maternal care // Magnusson D., Allen V. (eds.). Human development : An interactional perspective. N. Y., 1973. 432 p.
9. Argail M., Dean J. Eye contact, distance, and affiliation // Sociometry. 1965. № 28. P. 289-304.
10. Bowlby J. Attachment and Loss. Attachment. N. Y., 1982. 213 p.
11. Chaikin A. L., Derlega V. J. Variables Affecting the Appropriateness of self-disclosure // Journal of consulting and clinical psychology. Washington, 1974. Vol. 42. P. 18-23.
12. Erickson E. Childhood and Society. New York : W. W. Norton, 1950. 448 p.
13. Gilbert S. J., Whiteneck G. G. Toward a multidimensional approach to the study of self-disclosure // Human Communication Research. 1976. № 2. P. 347-355.
14. Kiecolt-Glaser J. K., Newton T. L. Marriage and health: his and hers // Psychol. Bull. 2001. 127 (4). P. 472-503.
15. Lowenthal M. F., Haven C. Interaction and adaptation: Intimacy as a critical variable // American Sociological Review. 1968. 33 (1). P. 20-30.
16. Maslow A. H. Motivation and personality. New York : Harper and Row, 1954. 453 p.
17. Olson D. H. Intimacy and the aging family. Realities of aging / College of Home Economics, Univer-

sity of Minnesota // British Journal of Medical Psychology. 1975. № 72. P. 285-299.

18. Olson D. H. Quest for Intimacy // Unpublished paper, University of Minnesota, 1977.

19. Robles T. F., Slatcher R. B., Trombello J. M., McGinn M. M. Marital quality and health: a meta-analytic review // Psychol. Bull. 2014. 140 (1). P. 140-187.

20. Schaefer M. T., Olson D. H. Assessing intimacy: The PAIR Inventory // Journal of Marital and Family Therapy. 1981. 7 (1), P. 47-60.

21. Shrout M. R. The health consequences of stress in couples. A review and new integrated Dyadic Biobehavioral Stress Model // Brain, behavior, & immunity — health. 2021. № 16. P. 100328.

22. Smith T. W. Relationships matter: progress and challenges in research on the health effects of intimate relationships // Psychosom. Med. 2019. 81 (1). P. 2-6.

23. Sullivan H. S. The interpersonal theory of psychiatry. New York: W. W. Norton, 1953. 393 p.

Reference list

1. Il'in E. P. Jemocii i chuvstva = Emotions and feelings. Sankt-Peterburg : Piter, 2001. 752 s.

2. Kazanceva T. V. Issledovanie psihologicheskoy blizosti v teorii privjazannosti = A Study of psychological intimacy in the attachment theory // Vestnik SpbGU. Serija 12. Sociologija. 2010. № 4. S. 94-98.

3. Kalmykova E. S. Rol' tipa privjazannosti v geneze i dinamike addiktivnogo povedenija = Role of attachment type in the genesis and dynamics of addictive behavior / E. S. Kalmykova, M. A. Gagarina, M. A. Padun // Psihologicheskij zhurnal. 2007. T. 28. № 1. S. 107-114.

4. Kulikov L. V. Obzor zarubezhnyh issledovanij po probleme jemocional'noj blizosti = Overview of overseas research on emotional intimacy / L. V. Kulikov, M. M. Pastushik // Vestnik SpbGU. Serija 12. Sociologija. 2009. № 4. S. 161-167.

5. Leont'eva N. N. Avtomaticheskoe ponimanie tekstov: sistemy, modeli, resursy = Automatic understanding of texts: systems, models, resources. Moskva : Akademiya, 2006. 304 s.

6. Pastushik M. M. Jemocional'naja blizost': postroenie strukturnoj i funkcional'noj modelej = Emotional proximity: building structural and functional models // Vestnik SpbGU. Serija 12. Sociologija. 2009. № 2-1. S. 27-35.

7. Sharff D. S. Osnovy teorii ob'ektnyh otnoshenij = Fundamentals of object relationship theory / D. S. Sharff, D. Je. Sharff. Moskva : Kogito-Centr, 2009. 304 s.

8. Ainsworth M. D. Patterns of infant-mother attachment as related to maternal care // Magnusson D., Allen V. (eds.). Human development : An interactional perspective. N. Y., 1973. 432 p.

9. Argail M., Dean J. Eye contact, distance, and affiliation // Sociometry. 1965. № 28. R. 289-304.

10. Bowlby J. Attachment and Loss. Attachment. N. Y., 1982. 213 p.

11. Chaikin A. L., Derlega V. J. Variables Affecting the Appropriateness of self-disclosure // Journal of consulting and clinical psychology. Washington, 1974. Vol. 42. R. 18-23.
12. Erickson E. Childhood and Society. New York : W. W. Norton, 1950. 448 r.
13. Gilbert S. J., Whiteneck G. G. Toward a multidimensional approach to the study of self-disclosure // Human Communication Research. 1976. № 2. R. 347-355.
14. Kiecolt-Glaser J. K., Newton T. L. Marriage and health: his and hers // Psychol. Bull. 2001. 127 (4). R. 472-503.
15. Lowenthal M. F., Haven C. Interaction and adaptation: Intimacy as a critical variable // American Sociological Review. 1968. 33 (1). R. 20-30.
16. Maslow A. H. Motivation and personality. New York : Harper and Row, 1954. 453 r.
17. Olson D. H. Intimacy and the aging family. Realities of aging / College of Home Economics, University of Minnesota // British Journal of Medical Psychology. 1975. № 72. R. 285-299.
18. Olson D. H. Quest for Intimacy // Unpublished paper, University of Minnesota, 1977.
19. Robles T. F., Slatcher R. B., Trombello J. M., McGinn M. M. Marital quality and health: a meta-analytic review // Psychol. Bull. 2014. 140 (1). R. 140-187.
20. Schaefer M. T., Olson D. H. Assessing intimacy: The PAIR Inventory // Journal of Marital and Family Therapy. 1981. 7 (1), R. 47-60.
21. Shrout M. R. The health consequences of stress in couples. A review and new integrated Dyadic Biobehavioral Stress Model // Brain, behavior, & immunity — health. 2021. № 16. R. 100328.
22. Smith T. W. Relationships matter: progress and challenges in research on the health effects of intimate relationships // Psychosom. Med. 2019. 81 (1). R. 2-6.
23. Sullivan H. S. The interpersonal theory of psychiatry. New York: W. W. Norton, 1953. 393 r.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022; одобрена после рецензирования 26.05.2022; принята к публикации 23.06.2022.

The article was submitted on 21.04.2022; approved after reviewing 26.05.2022; accepted for publication on 23.06.2022.